

О перспективах несоссюрианской лингвистики,
или новая функция языка Ф. де Соссюра *

Доклад на конференции, посвященной столетию
«Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра
(Москва, ИЯз РАН, 1 декабря 2016 г.)

А. В. Вдовиченко

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН,
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА

Аннотация. В докладе высказывается субъективный взгляд автора на отношения и существенные различия двух глобальных направлений современной науки о вербальном процессе. Перспективы несоссюрианской (коммуникативной) лингвистики, а также соссюрианской, языковой, обозначаются в связи с кардинальным различием их подходов к вербальному факту. Для языковой парадигмы главным является грамматикализованная

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Вдовиченко А. В. О перспективах несоссюрианской лингвистики, или Новая функция языка Ф. де Соссюра. Доклад на конференции, посвященной столетию «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра (Москва, ИЯз РАН, 1 декабря 2016 г.) // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 124–139.

форма материала, которая вписывает его в системный язык (механизм общения), обеспечивающий пользователям возможность говорения и понимания. Для коммуникативной парадигмы центральными представлены вопросы смыслообразования, а предметная форма знаков – нетождественной, бессмысленной вне конкретной процедуры семиотического воздействия. Бесспорную пользу языковой парадигмы следует видеть в создании мнемотехнической схемы (грамматики), применимой в лингводидактике. В то же время главные для языкознания вопросы смыслообразования получают адекватную интерпретацию только в коммуникативной теории, в рамках которой автор постулирует, что в естественном вербальном процессе производится и понимается многофакторное коммуникативное действие, а не вербальная форма.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, языковая парадигма, естественный вербальный факт, грамматика, мнемотехника, семиотический поступок, коммуникативное действие.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Вдовиченко Андрей Викторович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИЯз РАН, профессор кафедры теории и истории языка ПСТГУ (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия; ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, 115184, Россия, anlvdo@mail.ru)

Несоссюрианская лингвистика обретает видимые очертания на фоне фундаментального различия между языковым и коммуникативным подходами к вербальному факту. Для каждого из этих подходов характерно свое видение природы и причинности вербальных данных, что задает всю последующую процедуру построения теории вербального процесса. По тому, как определяется объект изучения и описания, можно судить о степени несовпадения коммуникативного (несоссюрианского) и языкового подходов, и, соответственно, о расхождении их исследовательских программ в ближайшей и отдаленной перспективе.

Для пояснения рассмотрим простой пример:

[Что она тут делает?]

Это предложение, похоже, не нарушает грамматических норм современного русского языка, выглядит вполне обыденным, не требует вмешательства корректора или редактора. Языковой подход рассматривает это предложение как свой легитимный объект, признавая его возможным фактом языка.

Совершенно иной представляется коммуникативная точка зрения на этот вербальный комплекс. С позиций коммуникации, это предложение

представляет собой всецело неестественный (искусственный) вербальный конструктор. Отвечая на вопрос, почему это так, нужно иметь в виду вполне очевидные обстоятельства.

Прежде всего, необходимо признать, что свойством и непременным атрибутом любого естественного вербального материала является смыслообразование. Говорящий (пишущий) утруждает себя строить вербальную последовательность только ради того, чтобы осуществить данное воздействие в мыслимом коммуникативном пространстве. Вне акциональной коммуникации вербальный комплекс не существует в естественной форме. Вне говорящего (пишущего) естественный модус функционирования вербальных данных не наблюдается.

В естественных условиях это предложение ([Что она тут делает?]) входит в состав многофакторной системы параметров, констатированной говорящим (пишущим) для совершения конкретного действия, и только в этих условиях данный вербальный комплекс приобретает актуальность, в связи с которой был помыслен и ради которой был произнесен. Попытки установления конкретного значения (или смысла) слова или иного вербального элемента бесперспективны до тех пор, пока не будет констатировано конкретное коммуникативное событие, порожденное кем-то, где-то, в каких-то мыслимых условиях, с определенными целями и пр. Вне или до этого автономный элемент (звук, буква, морфема, словосочетание, предложение и даже текст) не имеет оснований для установления когнитивного тождества: объекты никто не определил, отношения никто не выстроил, адресат не был никем избран и пр. Только при наличии активного обладателя сознания, задавшего собой все это, вербальный комплекс становится тождественно интерпретируемым, имеющим какой-то смысл и значение (замечу даже, что тот же самый комплекс [Что она тут делает?] в зависимости от мыслимых параметров ситуации может быть грамматически правильным или неправильным).

Этот пример обнаруживает, *что* представляют собой искусственные вербальные данные. На этом фоне проявляется главное свойство того, что может быть названо естественным вербальным фактом: последний всегда входит в состав коммуникативного действия – ситуативного, акционального, личного, осмысленного – и интерпретируется только в данной системе мыслимых параметров. Именно поэтому вербальный остов (вербальный след) какой-то неизвестной «ничейной» коммуникативной процедуры [Что она тут делает?] не может считаться представителем естественного вербального процесса.

Примером естественного вербального факта может служить следующий вербальный «остов», взятый из свершившегося и органично воспринятого коммуникативного действия:

[Совершенно иной представляется коммуникативная точка зрения на этот вербальный комплекс] (см. выше в данном тексте).

В этом примере ни одно из актуальных значений не содержится в тождестве в самой вербальной форме. Смысл высказывания, взятого автономно, неясен. Непонятно, «иной» по отношению к чему; насколько «совершенно»; «представляется» кому; что за «точка зрения»; какой «этот» и что за «вербальный комплекс» вообще. Однако в актуальной коммуникативной синтагме то, что сделал автор (то есть я) в соответствующем месте последовательности коммуникативных действий (вербальным «следом» которых является данный текст), оказалось понятным. Это произошло потому, что в естественном вербальном процессе порождается и интерпретируется не высказывание в его вербальной форме (факт языка), а целостное коммуникативное действие в мыслимых условиях его совершения (факт коммуникации) [Вдовиченко, 2016а, с. 167; 2016б, с. 80–81].

В этом, как и в любом ином, примере естественной коммуникации с использованием вербального канала заметно, что смыслообразование в сказанном (написанном) представляет собой личную организованную кем-то коммуникативную процедуру. Для говорящего эта процедура представляет собой попытку воздействия на мыслимого адресата в параметризованном коммуникативном пространстве. Для адресата (и, затем, для вторичного интерпретатора) интерпретация смысла сказанного по необходимости представляет собой восхождение к когнитивному состоянию того, кто произвел данное действие в данной многофакторной ситуации (если, конечно, целью интерпретатора является установление смысла сказанного, а не преобразование и трансформация этого смысла). Интерпретация, стремящаяся к аутентичному смыслу, по необходимости предполагает установление набора параметров, которые мыслил автор, сколь бы далеким и потерянным в пространстве и времени он ни был.

На фоне этих естественных условий существования вербального факта следует констатировать два важных следствия для наук, интерпретирующих вербальные данные.

Во-первых, единицы вербального процесса, если их считать автономными, не вовлеченными в конкретную коммуникативную процедуру, не могут обладать собственным смыслом или значением. Они *неожидательны* сами по себе, их невозможно изучать как элементы со своими валентностями. В смыслообразующем статусе они не существуют вне говорящего, который дает им возможность принимать участие в смыслообразовании на его, говорящего, условиях. Сами по себе эти слова и прочие элементы говорящему не важны. Его интересует коммуникативное действие в целом, а не каждый отдельный строительный блок. Поэтому говорящий (пишущий) в зависимости от своих целей и параметров ситуации будет избирать способы осуществления знаковых процедур (в том числе

с участием вербального канала), но элементарный уровень этих поступков не может быть самостоятельным и самодостаточным. Процесс смыслообразования нельзя сравнить с суммированием элементов в арифметическом действии (где каждое из слагаемых имеет свою определенную значимость). В естественном вербальном действии можно говорить, скорее, о наделении каким-то значением дотоле не определенных переменных, которым достаются доли смысла в ходе искусственной операции по разделению на части целостной несловесной суммы – невербально мыслимого коммуникативного события, или помысленного эффекта коммуникативного действия.

Во-вторых, в естественных условиях говорения (письма) антично-сосюрковский язык (система смыслопорождающего говорения) *теряет свою теоретическую эффективность*. В новых условиях (когда личное семиотическое действие становится главным объектом и порождение смысла в вербальном факте локализуется в индивидуально приуроченной коммуникативной процедуре) язык становится непригодным для моделирования естественного вербального процесса, поскольку суть вербального (как и любого семиотического) акта – исполнение личной коммуникативной задачи, коммуникативное смыслопорождение. Именно смыслопорождения и невозможно добиться от языка, поскольку в нем принципиально нет того, кто производит смыслы (имеет коммуникативную цель и исполняет задачи) – личного деятеля, личного адресата. В языке вследствие этого нет тождественной связи между означающим и означаемым, которую в реальности конкретно, ситуативно и целенаправленно мыслят автор и адресат. Означаемое заведомо не может возникнуть в языке, поскольку оно локализуется в личной когнитивной сфере, представляет собой не денотат «вещь в себе», а некий образ, понятие, представление, которые создаются в индивидуальном сознании активно или ре-активно. Вследствие отсутствия личности в языке принципиально отсутствует коммуникация, задаваемая участниками, или отношением «отправитель – реципиент». Но именно коммуникация (как целенаправленное воздействие на постороннее сознание) является единственной причиной знакового процесса, или семиотического поступка, и вне этой причины актуальный вербальный процесс (частный случай знакового) невозможно интерпретировать. В реальности говорящий говорит не языком («одно и то же»), а добивается новых изменений в мыслимом коммуникативном пространстве.

Языковое «одно и то же» его не интересует в принципе. В конце концов источником мысли, эмоции, чувства, явленных в коммуникации, может быть только индивидуальное сознание. Объекты не формируются независимо от сознания, связи (причинно-следственные, пространственные, временные и пр.) не строятся сами собой. Причинность, скорее, представляет собой ситуативно выстроенное соположение двух выделенных интере-

сующих говорящего объектов (явлений). Всего этого язык не может производить сам, он принципиально на это не способен. В нем принципиально отсутствует динамическое активное начало, индивидуальное сознание, которое является источником любого смыслообразования, или автором коммуникативного поступка. Возможно, где-то в иных сферах диспозиция иная, но в естественном вербальном процессе безраздельно господствует номинализм (релятивизм, относительность, субъективность и пр.).

Ввиду этого антично-соссюровский язык невозможно понимать или изучать как целостный объект. Он не может думать или говорить вместо коммуниканта. Его элементы не могут быть «какими-то», если данный вербальный комплекс не «подключен» к источнику смыслообразования.

Именно в этой перспективе очень важно еще раз отметить, что говорящие (пишущие) порождают и понимают личные актуальные коммуникативные поступки, а не элементы вербальной структуры. Только актуальная коммуникация, в которой присутствует личное смыслообразующее начало, снабжает говорящих (и исследователей) содержанием и избавляет от бессмысленности соссюровского языка.

Из этого следует, что если говорящие понимают коммуникативные действия, а не вербальные формулы, и если во всех случаях интерпретация сводится к установлению когнитивного состояния того, кто производит действие, то в руках у лингвиста, изучающего безличный соссюровский язык, оказывается рассыпающийся, не имеющий собственного содержания и тождества материал. Соответственно любая исследовательская процедура в сфере вербальных данных, в которой исследователи пытаются или пытались опереться на всеобщий «словесный механизм» («инструментальная метафора»), должна, наоборот, избавиться от него, чтобы не впасть в бессмысленность и не проваливаться в пустоту.

С этой обозначенной мною смотровой площадки видны перспективы соссюрианской и несоссюрианской лингвистики, которые постепенно открывало для себя языкознание XX – начала XXI в. и открывает до сих пор, по мере осознания главной причины обновления лингвистической теории – всесторонне осознанного коммуникативного действия.

Антично-соссюрианская лингвистика, безусловно, будет некоторое время – вольно или невольно – эволюционировать по инерции, сохраняя прежние теоретические позиции – видя во всем только язык, не принимая во внимание коммуникативные новации, игнорируя подлинные причины смыслопорождения в естественном вербальном процессе. Инерцию прежней парадигмы обеспечивают прежде всего традиционные «паттерны», к которым теория языкознания веками приспособлявала естественный материал и которые невозможно видоизменить без ущерба для всего, что произросло из этого корня: «чтобы понимать друг друга, нужно говорить

на одном языке», «слова имеют свои значения, известные всем, кто знает данный язык», «мысль высказывается словами и понимается благодаря словам единого языка» и пр. Возникшая на основе такого подхода методологическая машина работает сама собой, выдавая в качестве продукции все новые и новые закономерности устройства языка. Любое наблюдение над более или менее регулярной корреляцией знаков становится очередным вкладом в познание того, как устроен вездесущий «инструмент говорения и понимания».

Кроме того, длящемуся инерционному движению способствует частичная адаптация коммуникативных воззрений к прежним, языковым, способам представления вербальных фактов. Поэтому коммуникативные новации способны выглядеть уже не новациями, а частью языковой сосюрховской модели так, как будто они не нарушают теоретическую обоснованность ее положений.

В целом в рамках сосюрховского (языкового) подхода выделенным предметным элементам приписываются и будут приписываться функции, которые в естественном смыслопорождающем коммуникативном процессе не могут возводиться к автономным знакам (в том числе словам), строятся от иных, прежде всего невербально мыслимых, элементов или сочетаний элементов, возводимых к сознанию автора-коммуниканта. Языковая модель, воздвигнутая на принципе «знак – значение», ведет к оккамовскому «умножению сущностей», поскольку изначально некорректная теоретическая диспозиция провоцирует новые «необходимости» оправдывать несовершенства метода – подбирать знаки для значений, и наоборот, значения для знаков. В результате возникает неоправданно обширный список языков, единиц, знаков, символов, связей, правил, условий, понятий, исключений, оппозиций, значений и пр.

Между тем в основании всех рассуждений о вербальных фактах всегда лежит конкретное смыслообразующее коммуникативное действие, которое производится и понимается в пространстве ситуативно мыслимых параметров, а не в системе языка. Анатомизация коммуникативного действия (попытки разделения на предметные знаки-элементы) представляет собой искусственную условную процедуру, которая имеет утилитарные основания как на стадии выделения единиц, так и на стадии интерпретирования комплексов этих единиц. Так, коммуникативное действие может производиться вовсе без использования вербального канала, но оно не утрачивает вследствие этого свою акциональную семиотическую природу, не становится чем-то иным, чем коммуникативное действие, имеющее вербальные единицы в своем составе.

Работа антично-сосюрховской парадигмы в области анатомизации естественных вербальных фактов, несмотря на нереалистичность ее изначальных посылок, тем не менее, сохраняет огромный практический смысл

(чем также обеспечивает себе возможность «эволюционировать»): попытки выделения и структурирования предметных знаков, используемых в вербальном процессе, ведут к созданию грамматики языка, которая представляет собой подробную мнемотехническую схему, очень востребованную и применимую в лингводидактике. Речь идет о формировании набора вспомогательных приемов для запоминания того, как представители иного (незнакомого) лингвокультурного коллектива производят элементарные коммуникативные действия. Так, чтобы запомнить последовательность цветов в спектре можно выучить «грамматику спектра» – фразу «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан», и уже больше не сомневаться, что радуга сначала К – красная, затем О – оранжевая, затем Ж – желтая и т. д. Подобным образом, чтобы запомнить, как говорящему указывать на коммуникативные позиции участников общения, можно выучить «грамматику лиц» («систему личных местоимений», «личных окончаний», «притяжательных местоимений» и пр.) какого-то языка. Или «грамматику времен», грамматику «выражений условия», «обращений», «благодарностей» и пр. Создавать такие мнемотехнические приемы можно исключительно на основе опытного нетеоретизированного знания коммуникативной типологии – реальных навыков, которыми владеют аутентичные участники коммуникативного сообщества («носители языка»). К ним обращаются те, кто без мнемотехнической поддержки не в состоянии овладеть чужой коммуникативной типологией. Любые формы запоминания создаются на основе коммуникативного опыта тех, кто без какой-либо грамматики способен указывать на диспозицию лиц в коммуникации, говорить о прошлом, настоящем и будущем, выражать условность, обращаться и благодарить – и при этом не задумываться над поэлементной конструкцией этих коммуникативных действий. Систематизация слов и выражений на основе коммуникативных невербальных функций создает эффективный переходник с одной коммуникативной типологии на другую, обеспечивая неаутентичных участников коммуникации хорошим подспорьем – списком формализованных корреляций между родными и неродными вербальными клише, а также набором сведений о том, как помещать эти клише в адекватные коммуникативные условия («если Вам нужно отказаться делать что-то, Вы можете употребить конструкцию с *hardly*: I can hardly do that, что будет некатегорично обозначать «я не хочу этого делать», «я вряд ли смогу это сделать», и пр.). Однако в актуальной смыслообразующей коммуникации набор факторов, обеспечивающих понимание коммуникативных действий, будет намного более обширным, чем простые корреляции слов и конструкций.

Наряду с пользой, которую сосюринская мнемотехника (грамматика) несет для иностранцев, «носителям языка» часто приходится испытывать от родной грамматики боль и досаду и даже впасть в гнев.

Во-первых, условная практика письма (которая традиционно считается частью знания языка) весьма зависима от принятых правил орфографии и синтаксиса, которые (правила) также считаются солидной частью знания языка. Бремя этих грамматических условностей для «носителя языка» тяжело и неудобно, поскольку писать (читать) не удастся путем простого записывания звуков (озвучивания букв). Так, например, русские, будучи не менее странными людьми, чем англичане, значительную часть из того, что говорят, пишут почему-то ощутимо иначе [приблизительная транскрипция последних слов: «ис таво што гавар'ат пишут пачиму-та ашутима иначе)], не ставя при этом очень важных для читающего ударений, но ставя не произносимые отчетливо точки и запяты. Первичный и основной коммуникативный опыт, по крайней мере, жителя Москвы или Санкт-Петербурга, тр'эбуэт савиршенна инова спосаба придставления вирбальных данных (в этом смысле биларусы, пишуциэ [Москва], гаразда болиэ лагичны, чем русскиэ са свайэй [Москвой]). Наоборот, то, что уже написано по-русски правильно, парадоксальным образом ведет по неверному адресу, ведь, скажем, последний графический комплекс [по неверному адресу] в Москве или Санкт-Петербурге должен быть правильно прочитан как [па нивернаму адрису], а совсем не так, как он черным по белому написан.

В результате над «носителем языка», неосторожно прибегнувшим к практике письма (чтения), грамматика жестоко издевается дважды: сперва заставляя его писать не так, как он говорит, а затем – заставляя читать не так, как написано. Нужно к тому же иметь в виду множество рамок и барьеров, а также ячеек, загонов и ловушек, которые пишущий должен иметь в виду, преодолевать, предвидеть и помнить, и все это только ради того, чтобы читающий снова перевел буквы в звучащую речь, которая принципиально бизразлична к патрачинаму на написание правильных букв времени и прайавлинаму афтгарам знанийу грамматики (ибо говорящий в актуальных условиях говорения не думает о буквах, падежах и запятых никогда).

Однако нешуточный гнев на грамматику, сменяя простую досаду и боль, поднимается тогда, когда за все эти пируэты и прыжки, совершенные из устного в письменное и обратно, изнемогающий герой-акробат-полиглот получает на экзамене даже меньше тройки. При очевидном умении говорить по-русски и очевидной бессмысленности грамматических правил (которые в естественном устном вербальном процессе вообще никому не нужны, в том числе самому экзаменатору и ведомству, которое он представляет) требование соблюдать эти нормы, тем более наказание за их

несоблюдение, воздвигает перед мысленным взором только одну библейскую сцену: принесение абсурдной и жестокой человеческой жертвы Ваалу. А за окном между тем двадцать первый век...

(Отметим здесь еще раз, что письмо и затем чтение представляют собой глубоко условные практики, назначение которых состоит в том, чтобы с помощью каких-то знаков вызвать из памяти читающего звучащие вербальные клише и позволить ему воссоздать по этому следу целостное коммуникативное действие, совершенное с участием вербального канала. Сам способ фиксации звукового субстрата не имеет принципиального значения для смыслообразования. Главное – обеспечить возможность воссоздать звучащий компонент мыслимого коммуникативного действия.)

Так, вместо слова «река» или «село» в надписи может быть соответственно [p.] или [c.], каждое из которых легко восстанавливается опытным в коммуникации читателем, если он правильно определил мыслимые параметры данного записанного коммуникативного действия (вернее, его вербальной части). Если параметры поменять, то и [p.], и [c.], не изменяя своей внешней формы, могут пониматься совершенно иначе – например, как «раге», или «страница».

Так, общаясь в электронной переписке по-русски, можно писать латиницей. Результат будет вполне сносный, если, в конце концов, адресат сможет восстановить понятную ему звучащую речь (и затем коммуникативное действие) по латинским символам.

Общаясь по-русски, можно исполнять ныне принятые консенсусные нормы орфографии и пунктуации (т. е. делая ошибки лишь иногда), что доступно многим вследствие тотального школьного образования по единообразным учебникам и некоторого опыта чтения литературы, прессы и др. (впрочем, каждый все равно соблюдает орфографию и пунктуацию в различной мере).

Наконец, общаясь по-русски, можно прибегнуть к вышеприведенному фонетическому письму, па катораму тагжэ фпалне можна узнавать усные вирбальныэ клишэ и саатветствующие каммуникативныи действия.

Понятно, что соблюдение правил грамматики не является обязательным условием успешного извлечения из памяти адресата устных вербальных клише. Первичность и основность устных коммуникативных действий придает звучащей речи статус метрополии, куда и откуда ведут все пути в вопросах письма (чтения). Нормы грамматики и орфографии могут быть самыми странными, с точки зрения русских носителей (например, белорус. «Барысава» – упс! – вместо «Борисово»), а русские нормы правописания уж точно странны и бестолковы по гамбургскому счету (например, зачем писать [борисово], если и до, и после все равно произносится [барисава]?). Но и те, и другие нормы не важны сами по себе: их миссия лишь в том, чтобы возвращать читающего в устно-коммуникативную метрополию,

т. е. заставлять адресата, разбирающего обозначения звуков, воспроизводить звучащую часть коммуникативного события – то, на что в значительной мере можно опереться, расшифровывая коммуникативное действие.

Заметим, что не только знаки звуков принимают участие в организации коммуникативного действия. Например, такие знаки, как цифры, не являются фонетическими. Они «читаются» в зависимости от коммуникативно-типологической принадлежности действия, в состав которого они помещены. Поэтому, видя перед собой [5] вне коммуникативной синтагмы, русскоговорящему совершенно бесперспективно настаивать на том, что это [пять], поскольку это одновременно и [five], и [fünf], и [cinq], и пр. Кроме того, в зависимости от обстоятельств в арсенале у пишущего есть еще смайлики, картинки, выделения цветом, шрифтом, запятые-точкитире, стрелочки и пр. Все это сводится воедино и работает в многофакторном коммуникативном действии, понимание которого всегда имеет комплексный характер.

Звучащая (вербальная) часть коммуникативного действия должна быть воссоздана как один из его компонентов, по которым можно восстановить и понять данное действие (заметим, что для понимания целостного действия, кроме вербальных данных, существенное значение могут иметь также ситуативные условия, по которым тоже может быть многое понятно. В том же ключе могут пригодиться изображение, аудиозапись, видео, предмет с места событий, графическая схема и пр. Всё это, взятое вместе или выборочно, позволяет воссоздать когнитивное состояние действующего коммуниканта и, соответственно, понять его коммуникативные действия, в том числе вербальные). При этом способы достижения правильной интерпретации имеют исключительно условное значение, в том числе способы фиксации звучащей речи: если на экзамене и в публикуемой статье принимаются одни правила «орфографии и пунктуации», то в интернет-переписке могут быть совершенно иные, в эпиграфических надписях – иные, при конспектировании и скорописи – иные. Принятая грамматика (созданная мнемотехника в виде правил орфографии и пунктуации) на письме проявляет себя в зависимости от модуса письменной коммуникации, но не как обязательный единообразный атрибут письма. Если к коммуникативному действию можно приблизиться без графического посредничества (например, при помощи аудиозаписи), то и пунктуация с орфографией окажутся вовсе не нужными. Так что за эти несущественные формальности – орфографию и пунктуацию – можно было бы и не судить слишком строго, тем более, что они изменчивы и подвержены прихотям строителей орфографических реформ).

Во-вторых, носители языка несправедливо страдают от грамматики, мучимые руками самих грамматистов даже за рамками экзаменов и зачетов. Стоит только одному из полуграмотных участников русского комму-

никативного коллектива (а таких, полуграмотных, без сомнения, большинство, ведь далеко не каждому доподлинно известно, есть ли в современном русском языке, скажем, плюсквамперфект) – стоит только одному из них, например, в середине XX в. сказать [надамой давлезт мысль], как тотчас на его голову в области шеи опускается тяжелый нож гильотины, напоминающий о совершении страшного преступления против русского языка: «[Довлеть], молодой человек, не имеет ничего общего с [давить, нависать] в русском языке, на котором Вы пытаетесь говорить. Загляните в словарь, и Вы откроете для себя, что это слово церковнославянского происхождения, однокоренное с [вдоволь] и [довольный], означает “быть достаточным для чего-то”. “Довлеет дневи злоба его”, слышали Вы такое? Ну, имеющий уши на голове да слышит ими» и пр.

До этого момента он считал, что с детства говорил по-русски, и что «великий и могучий», а главное, «правдивый и свободный» – единственный язык, который известен ему во всем своем совершенстве. Более того, со своими товарищами (друзьями по несчастью) он нередко говаривал эту преступную формулу, ничего не подозревая, и даже, страшно сказать, в книжке где-то ее тоже видел. И тут на него обрушиваются потоки академической грамматики и лавины столь же академических словарей, свидетельствуя, что он вовсе не тот, за кого себя выдавал перед собой и другими. Говорил ли он на русском языке? Он ли это был, кто неизвестно на чем говорил? Что вообще было то, что исходило из его уст? «Пытаетесь говорить...», «уши на голове...» – где справедливость?

А между тем, наставник-грамматист, знаток русского языка, забрызганный жизненными соками гильотинированного с ног до головы, через десяток лет был приглашен в компанию таких же заслуженных обидчиков для работы над очередной версией толкового словаря русского языка. Первым же исправлением прежней версии словаря была статья на глагол [довлеть], в которую бессовестный буквоед, в душе сознавая, что «так теперь говорят», собственноручно вписал обновленное значение: «давить, нависать, угрожать, тяготеть». Затем он педантично дал пример из жизни: «Надо мною довлела мысль», а после церковнославянского значения «быть достаточным», вместо [церк.-сл.], вероломный лексикограф поставил [устар.].

У наблюдателя, которому стала известна эта история, возникает резонный вопрос: за что двуличный языкопоклонник обидел честного провозвестника будущего? Почему сначала – «русский язык этого не терпит», «слово-то церковнославянское», а затем – беспринципное «нужно внести в словарь»? Причем здесь вообще язык и словарь для оценки актуальной коммуникации, если провозвестники прекрасно взаимодействуют, хваля друг друга, вне всяких языков и словарей, а осудившие их за их беззаботное общение обидчики сами же вносят потом их «не-язык» в эталонные

фолианты? В конце концов, «довлеть» – это понятный русский язык или непонятный нерусский? Если нерусский и не-язык, тогда почему он понимается даже среди полуграмотных «носителей языка», а после еще и кодифицируется? И вообще что происходит?

(Непротиворечиво объяснить все это можно только в том случае, если покинуть пределы вселенной Соссюра. Несмотря на весь свой огромный обидоносный потенциал, антично-соссюровский язык с его грамматикой не может участвовать в построении эффективной модели того, что происходит в актуальной коммуникации. Коммуникация осуществляется благодаря порождению и пониманию смыслообразующего действия (семиотического поступка), а не мнемотехнических правил расстановки слов и букв, возведенных в абсолют. Язык настолько условный и искусственный, ходульный и неповоротливый, что допускать его до серьезного дела интерпретации просто преступно (вспомним гильотинирование невинного). Характерно, что, когда языкопоклонникам без носителей беспокойно и даже невыносимо от чесания рук, в это же самое время аутентичным участникам коммуникативных практик вполне безразлично, что скажут о них третьи лица, вовлеченные в путаницу понятий, а не в подлинную смыслообразующую ситуацию коммуникативного взаимодействия. Поэтому одно дело – язык и грамматика для удобного запоминания («каждый охотник желает знать»... и т. д.), другое дело – они же для моделирования естественного вербального процесса.)

Наконец, в-третьих, вследствие нереалистичного понимания «языка» (непонимания искусственности и утилитарности грамматики) носители какого-нибудь (в особенности русского) языка могут вводиться в заблуждение целыми пластами, слоями, прослойками, массами, регионами, диаспорами, нациями и пр. Дело в том, что на основе соссюрианской модели языка создаются вредоносные фантомы по типу «сокровище нации», «единое средство общения», «хранилище знания», «когнитивное тождество носителей», «русская языковая картина мира», «русский мир» и пр. Если субъект с помощью Соссюра и его авторитетных поделщиков заглатывает специальную наживку «язык», то путь для политических и прочих массовых практик манипулирования его сознанием становится проще и шире. В коллекции у манипуляторов появляется еще одно средство, санкционированное авторитетом почтенной науки языкознания. К пациенту, и без того сидящему в пещере своего националистического бреда перед телевизором, приходит специалист с неопровержимыми данными «языка», которые подтверждают, что самые духовные, гостеприимные и справедливые люди – это которые говорят по-русски (т. е. все русские и случайно примкнувшая к ним часть украинцев, белорусов, евреев и пр.). Зато у всех без исключения англичан в голове одна коммерция, нет никакого уюта, и молиться не умеют («а не надо по-английски говорить!»). К таким прак-

тическим выходам антично-соссюровской теории языка необходимо проявлять осторожность, чтобы не участвовать в теоретических заблуждениях, тем более в самой процедуре манипулирования прямо или косвенно. Поскольку автономный язык принципиально безличен и, соответственно, лишен собственных источников смыслообразования, то в нем заведомо невозможно обнаружить «картину мира», когнитивную общность, мысли, ценности, юмор, значения слов, национальный характер и в целом стандартизированное сознание. Так, почти все «носители русского языка» говорят, что «Солнце встает и заходит», но из них всего только около 40 % всерьез полагают, что Солнце вращается вокруг Земли, и что геоцентрическая модель Солнечной системы эффективнее гелиоцентрической. Соответственно, рассуждения об онтологически важных вопросах на основе данных вспомогательной мнемотехнической схемы («языка») не могут быть в достаточной мере убедительными.

В свою очередь, коммуникативная лингвистика по крайней мере еще некоторое время будет занята переосмыслением неэффективных теоретических положений («паттернов»), на которых воздвигнуто здание языка и антично-соссюровского языкознания, продвигаясь в направлении и в интересах подлинных источников смыслообразования. Если в основании языковой модели вербального процесса лежит всеобщий предметный знак и его всеобщее значение, то в основании коммуникативной модели лежит индивидуальное мыслимое семиотическое действие. Если стандартизация и единообразие составляют сердцевину языковой модели, то коммуникативная модель только в личном и особенном усматривает причину как говорения (письма), так и иных семиотических поступков. В рамках коммуникативного подхода наука о вербальных фактах готова преодолеть искусственные границы вербальных форм, вводящие нетождественность и множественность при построении теории и при интерпретации конкретных эпизодов коммуникативных действий. Задача создания динамической модели вербального процесса становится исполнимой, на фоне недостаточности статической языковой модели и теоретической валентности коммуникативного действия.

В этих условиях невозможно не констатировать новую функцию соссюровского языка, которую следует определить как функцию «противодействия поступательному развитию теории вербального процесса», ее запутывания и сдерживания (кратко – «развитьетеорепрепятственная функция»), в добавлении к общепризнанным «поэтической», «фативной» и прочим важным функциям того, что на самом деле всего лишь исполняет роль запоминательного приема. Если в сфере лингводидактики (или в школьной практике) соссюрианская модель полезна и эффективна для иностранцев как удобный инструмент мнемотехники, то для объяснения смыслооб-

разования – решения главной и основной задачи лингвистической теории – единственно приемлемой представляется коммуникативная парадигма, с ее качественно иным эвристическим потенциалом.

Список литературы

Вдовиченко А. В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016а. № 6. С. 164–175.

Вдовиченко А. В. Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания // Русский язык за рубежом. 2016б. № 4. С. 78–84.

Article metadata

Title: About prospects of not-saussurian linguistics, or a new function of saussure's language. Lecture held at the conference devoted to the century anniversary of «Course of the general linguistics» by F. de Saussure (Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, December 1, 2016)

Author: A. V. Vdovichenko

Author's e-mail: an1vdo@mail.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Abstract. In the lecture author's subjective view on the relations and intrinsic distinctions between two global directions of modern linguistic science is represented. Prospects of not-saussurian (communicative) linguistics, and also saussurian, language-orientated, are designated in connection with the cardinal distinction of their approaches to the verbal fact. For language paradigm the main thing is the grammaticalized form of the verbal data which enters him into the language system (the communication mechanism) providing a possibility of speaking and understanding for users. The saussurian paradigm is characterized by special attention to verbal signs, their uniformity and systemacity, relations among themselves and with users, fixed in the concept of «language». At the same time within a language paradigm the integral characteristics of natural verbal process are obviously ignored: actionality, situativeness, communicativeness, individual cognitivity, interpretiveness. On this background the communicative paradigm shows more realistic disposition of theoretical objects. Verbal action admits a special case of communicative action which, in turn, is a special case of individual's conscious action. Interpretation of verbal process (as well as in the case of any activity) is considered as understanding of a semi-otic act. Allocation of units of verbal process appears a utilitarian procedure. For communicative paradigm the corn questions are those of sense-production.

In turn, the form of signs is regarded as unidentical, insignificant if being taken without a concrete procedure of a semiotic interaction. Sense-production (which is *causa finalis* of any natural verbal fact) can be explained only by the concept of communicative action which speaker (writer) performs to obtain changes in imaginable communicative space. The consequences of subjectivity of any verbal fact are: elements of verbal process are not identical in themselves; the impersonal and senseless language described by grammar is not effective as a metaphor for explaining communicative sense-generation; speaker (writer) produces and understands actual communicative actions, but not verbal formulas (elements of structure of “language”). While language and grammar are absorbed by communication, it is necessary to recognize indisputable advantage of the language paradigm in creating the mnemotekhnich scheme (that is, grammar) applicable in linguodidactics. At the same time the questions of sense-production, the most remarkable for linguistics, receive adequate interpretation only within the communicative theory which postulates that in natural verbal process multiple-factor communicative action is made and understood, but not a verbal language form. A new function of the saussurian language is formulated, that is, the function of hindering the evolution of the linguistic theory.

Key terms: communicative linguistics, language paradigm, natural verbal fact, grammar, mnemotekhnics, semiotic act, communicative action.

Reference literature (in transliteration):

Vdovichenko A. V. O nesamotzhdestvennosti jazykovogo znaka. Prichiny i sledstvija «lingvisticheskogo imjaslavija» // *Voprosy filosofii*, 2016. № 6. S. 164–175.

Vdovichenko A. V. Kommunikativnoe opravdanie grammatiki. K voprosu o predelah uslovnosti grammaticheskogo opisanija // *Russkij jazyk za rubezhom*, 2016. № 4. S. 78–84.